

ОСВОЕНИЕ ШЕЛЬФОВЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ: СТОИТ ЛИ СПЕШИТЬ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА СОЮЗА НЕФТЕГАЗПРОМЫШЛЕННИКОВ РОССИИ,
ГЛАВА КОМИТЕТА ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ПАЛАТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ И РАЗВИТИЮ ТЭК
Юрий Константинович Шафраник

Сегодня много говорят о том, что нужно добывать углеводороды на арктическом и дальневосточном шельфах, хотя более 80% неразведанных месторождений приходится на сушу. Кроме того, практически везде необходимо повышать коэффициент извлечения нефти (КИН). Насколько целесообразно в таких условиях осваивать шельф? Возможно, будет лучше отсрочить этот вид добычи, но при этом немного увеличить КИН, чтобы и в дальнейшем ежегодно добывать порядка 500 млн т нефти? Принимая решение, нужно помнить, что разведка и освоение любых нефтегазоносных провинций требуют системного подхода, точного определения: как и когда необходимо действовать, какие задачи и кому поставить, какие условия создать для привлечения инвесторов и исполнителей проектов. Причем энергетическая политика, включая порядок налогообложения, должна учитывать весь спектр географических и экономических различий, наблюдаемых от Калининграда до Анадыря. Кстати, шельф шельфу рознь: арктическая среда – это не Каспий, Азов или Черное море.

Всё зависит от целеполагания

Нельзя забывать, что нефтяная отрасль спасла страну, когда в 2008 году грянул экономический кризис. Но еще важнее узнать и запомнить, как создавалась эта отрасль, каких успехов в невероятно короткие сроки добивались нефтяники, преодолевая любые трудности. Так, в начале 1970-х годов немислимыми казались нефтяные проекты и постройка десятков буро-

вых в глухой тайге. Однако все объекты были возведены с незначительным срывом сроков из-за форс-мажорных обстоятельств, причем техника и оборудование – кроме больших газовых компрессоров – тогда были отечественного производства, и работают они до сих пор, естественно, с определенной дошлифовкой (в пос. Лангепас, например, импортная составляющая действующего оборудования и сегодня не превышает 10%).

Всё зависит от целеполагания. В 30-е годы прошлого века отечественную промышленность поднимали люди, можно сказать, едва оторванные от сохи. Но они быстро обучались конкретным вещам, потому что ставились определенные задачи – создать машину, самолет, корабль или домну. И каждая задача подробно расписывалась: кто и как ее выполняет, в какие сроки, что закупается за границей, а что производится самостоятельно и т.д. Кстати, именно в тот период возникла созидательная цепочка «идея – НИИ – КБ – опытное производство – материальный образец идеи». Дальше начиналось строительство завода для серийного производства того, в чем имелаась нужда.

Конечно, масштабы тогда были не такие, как сейчас, но сегодня другой уровень оснащения знаниями, техникой и технологиями. Правда, есть нарекания относительно целеполагания. Многие справедливо заметят, что в период индустриализации страны цели часто достигались негодными средствами. Значит, сегодня надо использовать средства грамотно. Кстати, еще в царской России в рекордные сроки и без использования подневольного труда был построен Транссиб – самая длинная железная дорога в мире.

Приоритет эффективности

Главными проблемами нефтегазовой отрасли на протяжении многих лет остаются повышение эффективности использования недр добывающими компаниями и кратное повышение эффективности деятельности самих компаний. Если не давать точные оценки эффективности (и не менять на их основе экономическую политику), то продолжится паразитирование на производственном потенциале, заложенном до рождения РФ. Значит, индустриальная собственность, розданная в 90-е годы XX века, вместо развития и приумножения будет изнашиваться до последнего. Это, конечно, выгодно узкому кругу лиц, предпочитающих инвестировать только в собственное благополучие, но губительно для страны.

Следует напомнить, что мировой фондовый рынок накануне кризиса 2008 года оценивался в 60 трлн долларов, российский рынок составлял свыше 2 трлн долларов. Затем мировой рынок упал в 1,8 раза, наш – более чем в 3 раза (а капитализация, например, Газпрома – в 5 с лишним раз). Нельзя не задуматься над этой – пусть косвенной, но реальной – оценкой уровня эффективности управления отечественными компаниями. Не нужно много сил и средств, чтобы поменять ситуацию, важно проявить большую политическую волю и требовательность к работе менеджмента компаний.

Нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан (ВСТО) проложен, вдоль него государством создана довольно основательная инфраструктура, а запасов нефти как не было достаточно для заполнения трубы, так до сих пор они и не приращены. В газовой отрасли ситуация аналогичная: запасы не прибавились, новые месторождения не освоены. Положение спасает Ванкорское нефтегазовое месторождение, хотя оно географически к восточному вектору не тяготеет и гонит нефть в ВСТО «коленом» через тюменскую землю. Вдоль нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан расположены только «Сургутнефтегаз», Иркутская нефтяная компания и «Дулисьма».

Задержка углеродного освоения восточного вектора на сегодня составляет уже 10 лет. Причина этого прежде всего в недостаточных объемах бурения, причем в 2013–2014 годах необходимый прирост не предвидится. Разведка также проводится небольшими темпами: по 2–3 скважины в разведочной зоне. В целом же объемы поисково-разведочного бурения сократились почти

с 2 млн пог. м проходки в 2001 году до 1,17 млн в 2011 году. Для обеспечения расширенного прироста запасов нефти необходимо увеличивать объемы бурения в 2,5–3 раза.

Нужно понимать, что в Арктике будет еще больше, чем на восточном векторе, проблем освоения.

Техасское «чудо»

В последние годы происходит ухудшение ресурсной базы во всех добывающих регионах мира. Причем одних это ухудшение заставляет терять некогда завоеванные позиции, а другим помогает утвердиться и экспансировать на мировом нефтегазовом рынке. Для примера можно взять Техас – старейший после Пенсильвании нефтяной район мира. За последние 5–6 лет, не открывая гигантских месторождений, только благодаря тысячам мелких месторождений и малых компаний в нем объем добычи нефти увеличили с 50 до 100 млн т. При этом стоимость газа для промышленных предприятий за тот же период снизили с 212 до 90 долларов за 1 тыс. куб. м. Всего за несколько лет Техас получил мощный экономический импульс. Произошло это не благодаря какому-то чуду, а в результате целенаправленных, скоординированных действий центральной и региональной властей, учитывающих общемировые тенденции.

Совсем другими темпами идет развитие отрасли в России. Например, плану разработки крупнейшего в мире Штокмановского газоконденсатного месторождения уже 10 лет, но сегодня идет речь о том, что работы на нем начнутся не ранее 2019 года.

Конечно, есть и позитивный опыт – это, например, «Сахалин-1» и «Сахалин-2». Стартовавшие в 90-х годах XX века, эти проекты сегодня успешно действуют. Но следует уточнить: они были инициированы государством, создавшим условия для активной работы компаний. В частности, возникающие в ходе реализации проектов проблемы активно помогало решать государство.

И это верный подход – невозможно предвидеть всё, нельзя создать идеальный план на многолетний период, и, если возникают конфликты сторон, нужно садиться за стол переговоров, если же годами всё «предварительно отлаживать», то возникает ситуация, как со Штокмановским месторождением.

Еще одна причина недостаточного развития отрасли – слабость российской аналитической службы, которая призвана отслеживать приоритетные направления развития мирового нефтегазового комплекса и рекомендовать к реализации наиболее перспективные проекты. Так, например, была не замечена подготовка к сланцевой революции в США, хотя она проводилась несколько лет.

Конечно, не катастрофично, что работы на Штокмановском месторождении еще не начались. В стране достаточно других газовых и газоконденсатных кладовых. При этом в таких масштабных проектах, как разработка Штокмановского месторождения, нельзя ориентироваться только на объемы углеводородов. Важно максимально задействовать отечественный производственный потенциал. Адаптация передовых зарубежных технологий должна здесь обеспечиваться и нами, в частности необходимо четко расписывать, какие предприятия и когда произведут соответствующее оборудование и как организовать их авансирование.

Осуществление шельфовых проектов подразумевает прежде всего освоение и развитие технологического потенциала морской и подводной добычи. Это потребует коренной модернизации многих предприятий Северо-Западного региона и России в целом. А начальная идея сжигать газ и опрavlять его в США была сформулирована без предвидения развития рынка. И если рассматривать Штокмановское месторождение только как очередной углеводородный резервуар, то найденные на его разработку средства непременно уйдут в экономику Запада за счет закупки там техники, технологий и оборудования. Газ будет поступать на Запад. Средства будут вложены в зарубежное оборудование. Кроме того, несколько десятилетий придется выплачивать кредиты. И что в итоге получит сама Россия? Мифический опыт освоения труднодоступных кладовых природы? Для приобретения настоящего опыта лучше и проще послать на несколько месяцев своих специалистов стажироваться на иностранных терминалах и платформах.

Зона государственных интересов

Шельф, особенно арктический, – зона государственных интересов, а также государственной, политической и экономической ответственности, ответственности за экологию и неприкосновенность границ.

Государство должно определять систему контроля и стандартизацию условий деятельности компаний, в том числе в случае серьезных аварий (последствия которых на море будут гораздо больше, чем на суше) именно государство должно мобилизовать компании, МЧС России, добровольцев. И нельзя надеяться на успех, достигнутый за счет государственных денег. Гораздо важнее обеспечить:

- самые выгодные условия для реализации проектов;
- максимальную загрузку российских промышленных предприятий;
- минимальные государственные средства;
- прямые инвестиции негосударственных структур.

Возможно привлечение крупных международных компаний, мировых финансовых институтов (от пенсионных до инвестфондов).

На примере проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2» нужно решать, есть ли необходимость весь шельф доверить одной госкомпании или было бы правильнее определить лицензионные блоки разработки и по результатам конкурсов выявлять достойные компании для всех ключевых позиций. Последний вариант позволит России закрепить за собой форпосты, несколько участков шельфового контура: буквально 3–5 главных и во всех отношениях выверенных участков (слева – на северо-западе, справа – на востоке, ближе к Чукотке, и 1–2 ближе к полюсу).

Однако и на этих форпостах важно действовать системно, параллельно поднимая промышленное изготовление собственных платформ и судостроение, взяв за условие, что не менее 70% оборудования должно быть отечественного производства. Кадры для этого есть – это ветераны отрасли и молодые специалисты, пришедшие в профессию по призванию.

Госкомпании, работающие на шельфе, должны идти на многосторонние консорциумы. Этот формат позволяет активно работать с партнерами, грамотно сотрудничать с инвесторами, также он затрудняет возможные злоупотребления (как известно, в одиночку воровать проще всего, двое могут между собой договориться и маловероятно, что в сговор вступят трое). Кроме того, консорциумы распространены на Западе и поэтому зарубежные партнеры будут чувствовать себя комфортнее.

Если вспомнить историю, впервые публичные компании создали голландцы, потому что каждый купец не рисковал вкладывать деньги в один корабль. Тогда 5–10 купцов договаривались и строили 10 кораблей. Они уходили в море, и, если хотя бы 5 из них возвращались с товаром, а не были захвачены пиратами или затоплены во время шторма, консорциум всё равно оставался в выигрыше.

В отношении шельфов нужно действовать примерно так же, так как особенность шельфовых проектов – гигантский масштаб, грандиозность задач, затрат и сопутствующих проблем. При этом важно найти партнеров, поскольку они привнесут в проект свои технологии. С точки зрения инвесторов, на хороший проект деньги можно найти всегда.

Еще один важный вопрос – кто и на каком уровне должен возглавить шельфовую тематику. Поскольку шельф – это государственная задача, то можно создать или назначить ответственное за этот проект министерство.

Шельфовый марафон

Многих волнует, через сколько лет можно ждать отдачи от шельфа. Нужно понимать, что большая отдача будет заключаться уже в стартовой потребности отрасли в огромном количестве высокотехнологичных рабочих мест (а это, кстати, соотносится с задачей президента

В.В. Путина довести их число до 25 млн). Вдобавок будет получен ускоренный эффект оживления российской промышленности. Кроме того, освоение шельфа умножит отечественный научный потенциал, особенно в области географии, геологии и океанологии, обеспечит конкретными заказами академические институты.

Главной целью ближайших 15–20 лет является не получение тонны нефти или кубометра газа, а масштабное обустройство всего шельфового производства. Следовательно, первыми стартовать должны заказчики (начиная с государственных) – все компании любой формы деятельности и собственности, заинтересованные в конкретных шельфовых проектах, в соответствующих технологиях и оборудовании. Важно, чтобы не через 15–20 лет, а сейчас были четко сформулированы основные задачи всех участников «большой арктической игры», чтобы в кратчайшие сроки определить контуры – не детали – осуществления данного мегапроекта. По этим контурам надо, не затягивая, выбирать подрядчиков, организовывать консорциумы с обязательным привлечением зарубежных партнеров и источников финансирования.

Программа освоения шельфа не может реализовываться без баз, без опорных точек на побережье. Есть Салехард, Норильск, Дудинка, Диксон – около них и нужно начинать освоение побережья и параллельно заниматься шельфом. Эти города необходимо поднимать, поскольку летать на платформу будут из них, а не из Москвы.

В последовательности действий при освоении шельфа есть еще очень важный момент – разведка по арктическому побережью в полосе 200–300 км. Сегодня очень важна программа целевой и срочной разведки, начинать которую нужно с береговых точек.

В этой связи хочется напомнить об одном стратегическом направлении деятельности, принципиальном для успеха на шельфе, которым сегодня занимаются, но недостаточно, – это геология, география и океанология на основе академической науки. Мы спустили батискафы на Северном полюсе, установили флаг России на дне Северного Ледовитого океана, но уже давно настал момент фундаментально заняться геологией Арктики, географией шельфа. Делать это необходимо основательно, на академическом уровне, с применением инновационных методов и разработок, и не только ради разведки месторождений. Важно сформулировать запрос государства на системное накопление знаний, которые обязательно перейдут в качество научных открытий и создадут благоприятную почву для успешной деятельности россиян в Арктике по всем направлениям, включая оборонное. Настало время определить иерархию приоритетов по этой задаче, обсудить их, назначить ответственных от академических и экономических кругов и сроки реализации.

Работа в этом направлении уже идет: хорошие основы заложены исследованиями Института криосферы Земли Сибирского отделения РАН, в Салехарде на высочайшем уровне проводятся международные научные конференции (город постепенно становится зрелым субъектом арктического обустройства при поддержке Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа Дмитрия Николаевича Кобылкина и большом вкладе научного сообщества, в том числе академика Владимира Павловича Мельникова). Развивается перспективная научная база с центром в Тюмени и филиалом в Салехарде, открывающая возможность практических исследований таких значимых арктических тем, как мерзлотоведение, гляциология моря и т.д.

Базовые пункты шельфовых проектов и академической деятельности будут также сопряжены с точками развития и обеспечения Севморпути. Достаточно вспомнить, что наши предки, осваивая Север, привязывали этот процесс к чему-то: разумная логика всегда присутствовала на стыке географии и экономики. Эта логика должна охватить многие сегодняшние проекты в уже существующих городах-базах.

«Зеленые» тоже разные

В последние 2–3 года отмечается нарастающее сопротивление международных экологических организаций началу освоения ресурсов арктического шельфа. Дело дошло до про-

никновений активистов на морские платформы (МЛСП «Приразломная») и суда обеспечения. Подобную активность связывают и с реальной обеспокоенностью за хрупкую арктическую экологию, и с другими причинами, в том числе политическими. В подобных ситуациях почти всегда присутствует и тот и другой аспект. Большую часть экологических движений представляют люди, переживающие за будущее Земли. В то же время и конкурентный, а возможно, и политический фактор присутствуют в арктических акциях экологов. Достаточно задать вопрос: «Почему с такой же страстью эти люди не занимаются Каспием?». В экологическом плане этот район не менее уязвим. Возможные проблемы, а главное, их последствия на Каспийском море могут быть гораздо опаснее, чем в Арктике. Каспий – это замкнутая экосистема, там расположены основные запасы осетровых. Огромные площади Каспийского моря имеют глубины не более 5 м. Если на таких глубинах разольется нефть, то про осетровых придется забыть. Однако в районе Каспия нет такой активности экологов, как в Арктике.